

ОБЗОР ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ за 2014 год

Вопросы дисциплинарной ответственности адвокатов и защиты их профессиональных прав находятся в зоне непрерывного внимания руководства адвокатской палаты региона и ее исполнительного органа – Совета АПИО. Регулярный анализ дисциплинарной практики позволяет судить об уровне профессионализма и ответственности адвокатов перед доверителями и профессиональным сообществом, о качестве применения дисциплинарной власти правомочными выборными органами палаты, позволяет выявлять наиболее распространенные поводы для возбуждения дисциплинарных производств, способствовать дальнейшему формированию стандартов корпоративного поведения, основанных на нравственных критериях и традициях адвокатуры.

Обзор призван информировать адвокатов региона о состоянии корпоративной дисциплины членов адвокатской палаты и способствовать ее укреплению.

За период 2014 года в АПИО поступили 81 обращение (в 2013 г. – 102), из которых:

- жалобы и заявления граждан – 56 (в 2013 г. – 73);
- жалобы от адвокатов – 1 (в 2013 г. – 1);
- сообщения из судов – 3 (в 2013 г. – 8);
- частные постановления и определения судов – 8 (в 2013 г. – 8);
- представление мирового судьи – 1 (в 2013 г. – 0);
- сообщения из следственных органов – 8 (в 2013 г. – 7);
- представления вице-президента АПИО – 4 (в 2013 г. – 0)

По сравнению с 2013 годом общее количество обращений уменьшилось на 21, то есть примерно на 19%. Число повторных обращений в 2014 г. снизилось до 5 (в 2013 г. – 18).

На каждое поступившее в палату за исследуемый период обращение было должное реагирование, все они рассмотрены в соответствии с процедурными основами дисциплинарного производства в установленный срок, на все обращения даны письменные ответы.

В 2014 г. было возбуждено 12 дисциплинарных производств, что вполне сопоставимо с уровнем 2013 г., когда возбуждалось 10 дисциплинарных производств. Из 12 возбужденных дисциплинарных производств 3 возбуждены по жалобам граждан (две жалобы по уголовным делам, одна – по гражданскому делу), 1 – по жалобе адвоката, 4 – по частным постановлениям и определениям судов, 4 – по представлениям вице-президента палаты.

Анализируя характер поступивших в адрес АПИО обращений, необходимо отметить следующее:

- наибольшие нарекания судов и следственных органов, по-прежнему, вызывают факты неявки адвокатов без уважительных причин, влекущие срывы судебных заседаний и следственных действий;
- имеются претензии судов по поводу несвоевременного выделения адвокатов для участия в судебных заседаниях в качестве защитника по назначению, что вызывало затягивание судебных процессов;

- поступило несколько судебных актов, констатирующих нарушение адвокатами права на защиту доверителей, что повлекло отмену вынесенных судами первой инстанции приговоров;

- граждане, главным образом, жалуются на ненадлежащее, по их мнению, исполнение адвокатами своих профессиональных обязанностей по уголовным и гражданским делам (неактивность адвокатов в ходе уголовного и гражданского судопроизводства; совершение действий защитником в интересах следствия, а не доверителя); завышенный размер вознаграждения за юридическую помощь адвоката; невозврат или несвоевременный возврат полученных от доверителя документов;

- жалоба адвоката состояла в претензии к коллеге, который по уголовному делу принял на себя защиту доверителя по назначению за пределами судебного района, закрепленного за его адвокатским образованием;

- представления вице-президента палаты касались вопросов задолженности адвокатов по обязательным отчислениям в АППО, а также ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей адвокатом по уголовному делу и совершения им действий в виде злоупотребления доверием.

Как показывает анализ дисциплинарной практики, далеко не все обращения с требованиями о привлечении адвокатов к дисциплинарной ответственности являются обоснованными.

Так, два постановления суда были возвращены палатой без рассмотрения по причине невступления их в законную силу. Адвокаты обжаловали эти постановления суда, и одно из них, вынесенное в отношении двух адвокатов, апелляционной инстанцией было частично изменено – обоснованными были признаны претензии лишь в адрес одного из адвокатов. Обжаловалось в апелляционном порядке и представление мирового судьи, вынесенное в адрес адвоката, участвовавшего в качестве защитника по делу об административном правонарушении; представление было отменено как незаконное, ибо вынесение подобного судебного акта в адрес адвоката – защитника по делу действующим КоАП РФ не предусмотрено.

Отказы в возбуждении дисциплинарных производств за исследуемый период имели место по причинам отсутствия допустимого повода (например, обращения от лица, не имеющего права ставить вопрос о возбуждении дисциплинарного производства), наличия обстоятельств, исключающих возможность дисциплинарного производства (в частности, истечение сроков применения мер дисциплинарной ответственности), отсутствие признаков дисциплинарного проступка в действиях адвоката. В прежних обзорах дисциплинарной практики высказывалось пожелание усилить правовую аргументированность решений об отказах в возбуждении дисциплинарных производств ссылками на соответствующие правовые нормы с целью придания таким решениям большего веса и значимости для заявителя, а также Это пожелание остается актуальным и на настоящий период.

Обращаясь к анализу дисциплинарных производств, прежде всего, отметим, что в 2014 году Советом АППО всего их было рассмотрено 16, из которых 4 – дела, возбужденные в 2013 году. В результате рассмотрения по существу указанных дисциплинарных производств четыре из них были прекращены за отсутствием в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката; по остальным адвокаты были привлечены к различным мерам дисциплинарной ответственности: замечание объявлено 6 адвокатам, предупреждение – 4 адвокатам, в отношении 2 адвокатов применена мера дисциплинарной ответственности - прекращение статуса адвоката.

Как и ранее, разбирательство по всем дисциплинарным делам осуществлялось в закрытых заседаниях квалификационной комиссии и Совета палаты; ходатайств в порядке п. 4 ст. 19 КПЭА о полностью или частично открытом разбирательстве в указанные органы палаты от лиц, обратившихся с жалобой, представлением, обращением, не поступало. В палате нашего региона пока нет опыта полностью или частично открытого рассмотрения дисциплинарных производств.

Ни по одному из рассмотренных дисциплинарных производств стороны не воспользовались правом, предоставленным п. 3 ст. 20 КПЭА, предложить в письменной форме способ разрешения дисциплинарного дела.

Заявления от адвокатов либо ходатайства от адвокатских образований о досрочном снятии наложенных ранее дисциплинарных взысканий в порядке п. 1 ст. 26 КПЭА в 2014 г. в Совет не поступали. По инициативе Совета подобные вопросы также не рассматривались.

Не имели место в практике Совета и факты отмены либо изменения им своего решения о применении мер дисциплинарной ответственности к адвокату при наличии новых и (или) вновь открывшихся обстоятельств в соответствии с п. 3 ст. 25 КПЭА. Между тем, при возникновении необходимости пересмотра по новым или вновь открывшимся обстоятельствам Совет неизбежно столкнулся бы с отсутствием нормативного урегулирования действующим КПЭА процедуры пересмотра дисциплинарного дела, порядка и субъектов его инициирования, сроков пересмотра. Тем интереснее и полезнее был бы для дисциплинарной практики палаты подобный опыт.

Качество рассмотрения дисциплинарных дел квалификационной комиссией и Советом палаты достаточно высокое, о чем свидетельствует отсутствие фактов направления Советом дисциплинарных производств квалификационной комиссии для нового разбирательства в порядке пп. 5 п.1 ст. 25 КПЭА, а также отсутствие фактов отмены или изменения решений Совета АПИО, обжалованных в суд (одно решение было обжаловано адвокатом, другое – заявителем-гражданином; подробнее об этом ниже).

В связи с изменением редакции п. 7 ст. 19 КПЭА, внесенным VI Всероссийским съездом адвокатов 22.04.2013 г., согласно которому отзыв жалобы, представления, обращения либо примирение адвоката с заявителем «могут повлечь» прекращение дисциплинарного производства, а не «влекут», как было в прежней редакции; изменилась и дисциплинарная практика Совета. За 2014 год случаев полного прекращения дисциплинарных производств за примирением заявителя жалобы и адвоката, а также прекращения в связи с отзывом жалобы не имеется, хотя о примирении было заявлено по двум дисциплинарным производствам (одно из которых – объединенное), об отзыве жалобы – по одному. По объединенному дисциплинарному производству (в отношении адвоката Х. по жалобе адвоката Г. и заявителя-гражданина Т.), по которому оба автора жалоб заявили о примирении, Совет решил прекратить за примирением лишь производство по жалобе адвоката Г., а заявление Т. о примирении оставил без удовлетворения с учетом конкретных обстоятельств дела и характера допущенных адвокатом нарушений. Решения Совета об отказе в прекращении дисциплинарных производств в указанных случаях были приняты Советом в пределах компетенции, являются обоснованными, мотивированными и не свидетельствуют о карательном подходе к рассмотрению дисциплинарных производств; и отнюдь не умаляют актуальности использования при возникновении конфликтных ситуаций примирительных процедур как до возбуждения дисциплинарного производства, так и на стадии его рассмотрения.

Далее приведем обзор ряда дисциплинарных производств, которые возбуждались по наиболее распространенным нарушениям, допускаемым адвокатами, а также дисциплинарные дела, по которым принимались самые строгие меры дисциплинарных взысканий.

1. Адвокат обязан ежемесячно отчислять средства на общие нужды адвокатской палаты в размере, который определяется собранием (конференцией) адвокатов адвокатской палаты соответствующего субъекта РФ.

Распоряжением президента АПИО от 18.08.2014 г. на основании представления вице-президента адвокатской палаты было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката П., у которого по состоянию на 18.08.2014 г. образовалась задолженность по обязательным отчислениям в АПИО за 2014 г. в размере 3300 рублей.

Квалификационная комиссия на заседании 27.08.2014 г. вынесла заключение о нарушении адвокатом П. пп. 5 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 КПЭА. При этом было отмечено, что адвокат П. в Совет АПИО с заявлением о рассрочке (отсрочке) оплаты обязательных отчислений не обращался.

Совет АПИО согласился с заключением квалификационной комиссии и решением от 25.09.2014 г. признал наличие в действиях (бездействии) адвоката П. нарушения требований пп. 5 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 КПЭА, выразившиеся в неисполнении обязанности с 10.06.2014 г. по 26.08.2014 г. по отчислению средств на общие нужды АПИО, предусмотренной решением Конференции адвокатов Ивановской области от 24.01.2014 г. об утверждении «Положения о порядке формирования доходов АПИО на 2014 г.», и применил к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности – замечание.

Аналогичные нарушения в анализируемом периоде были допущены адвокатами Л. и У., которые также по решениям Совета АПИО были привлечены к дисциплинарной ответственности в виде замечания.

2. Адвокат в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе принимать поручение на защиту против воли доверителя и навязывать ему свою помощь в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению с доверителем.

Распоряжением и.о. президента АПИО от 13.12.2013 г. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Х

Допустимым поводом для возбуждения дела послужили жалоба адвоката Г. и жалоба гр. Т. отношении адвоката Х. На основании ч. 2.1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката по данным жалобам возбуждено объединенное дисциплинарное производство.

Из жалобы адвоката Г. следовало, что с 15.11.2013г. она осуществляла защиту гр. Т, по уголовному делу, о чем своевременно уведомила следователя В. Южского МСО СУ СК РФ по Ивановской области, осуществлявшего предварительное расследование по данному делу. В отношении подозреваемого Т. была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. 01.12.2013г. ей стало известно, что следователь В. спланировал проведение следственных действий с Т. 02.12.2013г. в 12 час. 00 мин. 02.12.2013г. она позвонила следователю по данному вопросу, и они согласовали время – 09 час. 30 мин. и дату - 06.12.2013г. для проведения с Т. следственных действий, о чем в адрес коллегии факсимильной связью было направлено требование на ее имя. 03.12.2013г. от подзащитного Т. адвокату Г. стало известно, что 02.12.2013г. с Т. было проведено следственное действие. Сначала на данное следственное действие для защиты интересов Т. был приглашен адвокат по назначению, который, ознакомившись с материалами дела, отказался принять участие в следственном действии со ссылкой на то, что у Т. имелось соглашение с другим адвокатом. Позднее следователем был приглашен другой адвокат - Х., который несмотря на отказ Т. от его услуг, подписал постановление о привлечении в качестве обвиняемого и протокол допроса обвиняемого. Адвокат Г. также указала, что

адвокат Х. склонял ее подзащитного к расторжению соглашения, уверяя, что Ивановские адвокаты только деньги берут и ничего не делают, а он сможет решить все вопросы.

Из жалобы заявителя Т. следовало, что его привлекают к уголовной ответственности, он находится под домашним арестом. У него заключено соглашение с адвокатом Г. 02.12.2013г. его привезли к следователю, его адвоката не вызвали. Сначала пришел незнакомый адвокат, который отказался участвовать в следственном действии. Позднее пришел другой адвокат - Х. Он предлагал заключить соглашение с ним, говорил, что незачем нанимать ивановских адвокатов, лучше - южских. Т. также указал, что отказался от услуг адвоката Х. и от участия в следственном действии без своего адвоката. Просил разобраться и принять меры.

На заседании Квалификационной комиссии адвокат Г. поддержала доводы жалобы, а также сообщила, что примирилась с адвокатом Х. и не возражает против прекращения в отношении него дисциплинарного производства.

В письменных объяснениях адвокат Х. указал, что «02 декабря 2013г. в 20 час.10 мин. был вызван по телефону следователем В. для участия в следственных действиях. Следователь сообщил, что у него запланировано проведение следственных действий с подозреваемым Т. и с участием его защитника по соглашению Г., которая на следственные действия не явилась, будучи извещенной о времени и дате проведения следственных действий. Адвокат Х. отказался принимать участие в следственных действиях, учитывая, что в деле участвует защитник по соглашению. Следователь в ходе беседы с Т. выяснил его позицию, и тот устно дал согласие на проведение следственных действий с участием адвоката Х., пояснив при этом пояснил, что ничего писать не будет, давать показания не будет и не будет ничего подписывать. После этого следователь вынес постановление о назначении защитника по уголовному делу, при этом Т. никак не выразил своего отказа от предоставленного ему защитника Х. В связи с этим Хохлов предоставил ордер. В ходе предоставленного для общения с Т. времени адвокат Х. разъяснил Т. порядок участия защитника на предварительном следствии, как вести себя на следствии, давать или не давать показания, указал, что он должен действовать с учетом выбранной позиции, согласованной с адвокатом Г. При этом Т. на контакт с адвокатом не шел. Особо обратил внимание Т. на ст. 52 УПК РФ – отказ от защитника (т.е. от него), предложив Т. письменно оформить отказ от защитника, но тот ответил, что ничего писать, говорить и подписывать не будет. Потом они с Т. были ознакомлены с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, Т. давать какие-либо показания по поводу предъявленного обвинения отказался. По окончании следственных действий, следователь выдал Т. на руки копии документов - постановление о назначении защитника по уголовному делу, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, допрос обвиняемого. Адвокат Х. также указал на несоответствие сведений, изложенных в жалобе Т. в части склонения им последнего к расторжению соглашения с адвокатом Г. и заключению с ним соглашения. Х. указал, что в соответствии с этикой адвоката, он не должен был принимать обязательства и участвовать в следственных действиях в связи с наличием соглашения у Т. с адвокатом Г. Однако, учитывая позицию самого Т, согласившегося на проведение следственных действий с его участием, адвокат Х. предоставил ордер и принял участие в следственных действиях. На заседании Квалификационной комиссии адвокат Х, дополнительно сообщил, что он примирился с лицами, подавшими жалобы.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства было исследовано объяснение адвоката О., пояснившего что в период с 02.12.2013г. по 06.12.2013г. согласно графику дежурства адвокатов по назначению в уголовном и гражданском судопроизводстве в их адвокатском образовании в декабре 2013г. он был дежурным адвокатом. 02.12.2013г. следователь В. вызвал его для участия в следственных действиях. Прибыв в 14 час.00 мин. в следственный комитет адвокат О. узнал, что планируется предъявление обвинения и допрос в качестве обвиняемого Т. Побеседовав с Т., выяснил, что тот заключил соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу с

адвокатом из г. Иваново. От следователя ему стало известно, что адвокат по соглашению прибыть не может. Адвокат О. также указал, что Т. на замену адвоката не согласен и настаивал на участии адвоката Г. по соглашению. В связи с этим адвокат О. отказался от участия в следственных действиях.

По материалам дисциплинарного производства из графика дежурства адвокатов по назначению в уголовном и гражданском судопроизводстве в декабре 2013г., следовало, что адвокат Х. должен был дежурить с 12.12.2013г. по 16.12.2013г. В протоколе допроса обвиняемого Т. от 02.12.2013г. указано следующее: «сущность предъявленного мне обвинения разъяснена и понятна. В настоящий момент какие-либо показания по поводу предъявленного мне обвинения отказываюсь, желаю воспользоваться правом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ. Показания по поводу предъявленного мне обвинения дам позднее в присутствии своего защитника Г., с которой у меня заключено соглашение. От подписи протокола отказываюсь». В протоколе допроса также указано, что обвиняемый от подписи отказался в присутствии защитника Х.

Заключением квалификационной комиссией было установлено, что Х. знал о том, что интересы Т. представляла адвокат Г. по соглашению. Однако он не выяснил причину отсутствия Г. на следственном действии, в том числе у нее самой. Пояснения Х. в части того, что он осуществлял защиту Т. с устного согласия последнего, опровергаются материалами дисциплинарного производства. Квалификационная комиссия сочла доказанным, что Т. заявил отказ от услуг адвоката Х. Адвокат Х. в данной ситуации обязан был потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. Квалификационной комиссией сделан вывод, что адвокат Х. действовал против воли доверителя (Т.), способствовал нарушению его прав на защиту, не поддержал его ходатайство об отказе от защитника при проведении следственных действий, не потребовал от следователя вынесения постановления, разрешающего данное ходатайство.

Вместе с тем, квалификационная комиссия пришла к выводу, что не нашли своего подтверждения доводы адвоката Г. о том, что адвокат Х. склонял ее подзащитного к расторжению соглашения, уверяя, что Ивановские адвокаты только деньги берут и ничего не делают, а он сможет решить все вопросы.

Квалификационная комиссия пришла к заключению о нарушении адвокатом Х. п.п. 1 п.1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п.1 ст. 8 и ч.1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (по жалобе Т.) и о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие примирения адвоката Г. с Х.

Совет АПИО согласился с указанным заключением, так как адвокат Х. в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе был принимать поручение на защиту против воли доверителя и навязывать ему свою помощь в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению с доверителем. Адвокатом нарушены п.п. 1 п.1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п.1 ст. 8 и ч.1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет посчитал возможным прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Х. по жалобе Г. в связи с их примирением.

Вместе с тем, поступившее от Т. заявление с просьбой о прекращении дисциплинарного производства в отношении Х. в связи с их примирением Совет АПИО оставил без удовлетворения, так как согласно подп.4 п.1 статьи 25 КПЭА Совет вправе, но не обязан принять решение о прекращении дисциплинарного производства вследствие примирения лица, подавшего жалобу, и адвоката. С учетом конкретных обстоятельств дела, характера допущенных адвокатом Х. нарушений при защите прав и интересов Т. Совет признал необходимым применить к адвокату в связи с наличием в его действиях нарушений норм п.п. 1 п.1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п.1 ст. 8 и ч.1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики меру дисциплинарной ответственности -

предупреждение.

3. При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для их проведения, адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд или следователя, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними время совершения процессуальных действий. Неисполнение адвокатом указанной обязанности признается дисциплинарным проступком.

Распоряжением президента АПИО от 09.09.2014 г. на основании частного постановления федерального судьи Ивановского областного суда о ненадлежащем исполнении адвокатом С. своих профессиональных обязанностей в отношении последнего было возбуждено дисциплинарное производство.

Из частного постановления следовало, что адвокат С., будучи надлежащим образом извещенным о дате и времени судебного заседания по рассмотрению его апелляционной жалобы, не явился в судебное заседание, назначенное на 11 августа 2014 года на 10 час. 00 мин. 07 августа 2014 года из Ивановского областного суда осуществлялся телефонный звонок адвокату С. с целью выяснения своевременности извещения адвоката о судебном заседании, в ходе которого адвокат подтвердил своевременность извещения и сообщил о своем желании участвовать в судебном заседании. Сведений о невозможности участия в рассмотрении дела не сообщал, ходатайств об отложении судебного заседания не заявлял.

11 августа 2014 года в подготовительной части судебного заседания осужденным М. было заявлено ходатайство об отложении рассмотрения апелляционной жалобы в связи с невозможностью участия его защитника – адвоката С. в судебном заседании. При этом было представлено уведомление от адвоката С. о невозможности его участия в судебном заседании в связи с нахождением в служебной командировке в г. Брянске с 11 по 14 августа 2014 г. Уведомление датировано 8 августа 2014 года. Судебное заседание в связи с поступившим ходатайством было отложено слушанием на 18 августа 2014 года.

Суд расценивая действия адвоката С. как неуважение к суду и лицам, участвующим в деле, и посчитал, что поведение адвоката привело к затягиванию процесса рассмотрения дела.

В письменном объяснении адвокат С. пояснил, что осуществлял по соглашению защиту осужденного М. В апелляционной инстанции судебное заседание по делу было назначено на 11 августа 2014 года на 10.00. 7 августа 2014 года действительно осуществлялся телефонный звонок из Ивановского областного суда, в ходе которого он подтвердил свое намерение участвовать в судебном заседании. Однако 7 августа 2014 года уже после разговора с помощником судьи Ивановского областного суда он получил информацию от другого своего доверителя по соглашению о запланированных на 11 августа 2014 г. в г. Брянске следственных действиях с его участием, в том числе связанных с избранием меры пресечения. В связи с этим адвокат С. принял решение участвовать в следственных действиях в г. Брянске. О невозможности участия в суде апелляционной инстанции 8 августа 2014 года адвокатом было составлено уведомление, которое было передано М. с просьбой незамедлительно уведомить об этом суд. По неизвестным адвокату причинам М. передал уведомление в день судебного заседания.

Заключением квалификационной комиссии при АПИО была констатирована состоятельность доводов, приведенных в частном постановлении суда, и наличие в действиях адвоката С. нарушения требований ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, пп. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Совет палаты с данным заключением согласился, указав, что в силу п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для их проведения, адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд или следователя, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними время совершения процессуальных действий.

Учитывая фактические обстоятельства совершения проступка адвокатом С. и его отношение к совершенному проступку, Совет признать наличие в действиях адвоката нарушений норм пп. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации», п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката и применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности - замечание.

4. Адвокат не вправе осуществлять адвокатскую деятельность без заключения в письменном виде соглашения; не вправе навязывать свою помощь лицам, обещая благополучное разрешение дела; занимать позицию вопреки воле доверителя; употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство и деловую репутацию других адвокатов.

Распоряжением и.о. президента АПИО 13.12.2013 г. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката М. на основании поступивших в палату жалоб от осужденного Е.К.Д. и его матери Е.Е.Л. о ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей адвокатом М.

В жалобе заявитель Е.К.Д. указал, что 24 сентября 2012 года адвокатом М. с ним было заключено соглашение на защиту на предварительном следствии и в суде по уголовному делу по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а, в» ч. 2 статьи 163 УК РФ. Согласно договору за каждую стадию Е.К.Д. обязан был платить адвокату 10 тысяч рублей. Второй экземпляр договора был вручен доверителю позже - 24.09.2012 года, и он не содержал подписи доверителя. Изначально адвокат М. указал на сумму 15 т.р. В последующие месяцы адвокат приходил к доверителю домой, указывал суммы на 15, 20, 25 и 25 тысяч рублей. В начале следствия адвокат работал по делу, затем стал пропадать, на телефонные звонки не отвечал, а когда отвечал, то очень грубо разговаривал. М. выходил на связь только когда ему нужны были деньги. За время отсутствия адвоката к заявителю пришел потерпевший по делу – Н. и предложил примирение сторон. Е.К.Д. с радостью согласился, но когда сообщил об этом адвокату М., тот ответил, что на примирение идти не надо и что он подает встречный иск на Н. о возмещении ущерба. Сказал, что следователь по делу П. не совсем умная, что адвокат знал ее по работе. И если Е.К.Д. не будет его слушать, то точно сядет. Мать Е.К.Д. - Е.Е.Л. заявила адвокату, что им деньги от потерпевшего не нужны, нужно примирение. Затем адвокат на два месяца пропал, а явившись за очередной суммой денег, сказал, что все уладит со следователем и проблем не будет, т.к. за такое не сажают, и тем более потерпевший на их стороне. Однако вскоре пришла повестка из суда. Оказалось, примирения не было, т.к. М. у следователя не был. Е.К.Д., видя, что у адвоката М. нет времени и желания его защищать, высказывал адвокату свое намерение сменить защитника, на что тот говорил, что у Е.К.Д. дело плевое, а он один из лучших адвокатов в городе. Настаивал на том, что состава преступления нет, доказательств нет. Предлагал второму обвиняемому по делу сменить его защитника – адвоката П., плохо отзываясь о ее профессиональных и личных качествах. За день до приговора адвокат настоял, чтобы Е.К.Д. изменил показания и признал вину частично. Участвовавший по делу гос.обвинитель предлагал Е. К.Д. и адвокату не менять показания, обещая условный срок. Но адвокат огрызался и спорил с прокурором, убеждал Е.К.Д. слушать только его. Приговором суда Е.К.Д. был осужден на 3 года лишения свободы. Продолжать работу с адвокатом М. он отказался и попросил свою мать Е.Е.Л. найти другого адвоката. После приговора адвокат М. продолжал приходиться к матери осужденного, настаивал на продолжении оплаты его услуг. На отказ матери адвокат стал ей угрожать, говоря, что приговор находится у него, и если он с приговором исчезнет на пару недель, у Е.К.Д. не будет шанса на пересмотр дела. Не желая рисковать, Е.Е.Л. оплатила адвокату М. услуги за апелляцию и одновременно заключила соглашение договор с адвокатом О. Затем Е.Е.Л. настаивала на расторжении договора с М., требовала вернуть деньги. Жалобу адвоката М. пришлось отзывать. Тогда М. стал угрожать матери осужденного, говорил, что может сделать так, чтобы сыну вместо 3-х лет дали 7. Не зная об этих угрозах, Е.К.Д. в сизо по просьбе М. в присутствии адвоката О. подписал задним числом квитанцию об оплате 40 тысяч рублей 4 октября 2013 года, с одной лишь целью - не видеть больше этого человека.

В жалобе Е.К.Д. просил привлечь адвоката М. к дисциплинарной ответственности за несоблюдение адвокатской этики, за несоблюдение соглашения о защите; а также вернуть деньги за оплаченную, но не выполненную адвокатом работу. В дополнительной жалобе заявитель указал, что адвокат по делу занял позицию, противоположную ему самому, убеждал в частичном признании им вины, говорил, что состава преступления в содеянном нет, а потому раскаиваться и просить прощения Е.К.Д. ни у кого не должен, что его вина не доказана, и суд вынесет ему оправдательный приговор. Е.К.Д. вынужден был принять позицию адвоката М., так как доверял адвокату и считал его юридически грамотным.

В жалобе Е.Е.Л., действовавшей от имени Е.К.Д. на основании доверенности, изложены аналогичные доводы. Дополнительно сообщила, что после приговора адвокат М. заявил ей, что она должна 30 тысяч рублей. В противном случае он может подписать в сизо у ее сына любой документ не в его пользу, и вместо 3 лет, сыну могут дать 7. Она вынуждена была дать адвокату 30.000 рублей. В каждом разговоре с ней адвокат М. настаивал на том, что он лучший адвокат в городе, что у него связи и большой авторитет в адвокатской палате, что жаловаться на него бесполезно, что слушать ее никто не будет. Кроме того считает, что адвокат М. нарушил адвокатскую этику, рассказав их общим знакомым подробности уголовного дела.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства адвокат М. с доводами жалоб заявителей не согласился. Однако признал наличие разногласий с доверителем, пояснив, что он считал, что состав преступления в действиях Е.К.Д. отсутствует.

Исследовав все материалы дисциплинарного дела, квалификационная комиссия своим заключением установила следующее:

1. Адвокат М. с 01.02.2013 года не имел соглашения на защиту Е.К.Д., обвинявшегося по п.п. «а, в» ч. 2 статьи 163 УК РФ, поскольку в письменном виде такое соглашение им не заключалось, а устные договоренности с доверителем, если даже допустить, что они имели место, не являются законным основанием для участия адвоката в уголовном деле, и для представления ордера по соглашению. В соответствии с п. п. 1, 2 статьи 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключенный в простой письменной форме. Адвокат М. злоупотребил своими правами, представив ордера на защиту Е.К.Д. в следственный орган и суд, не имея заключенного с доверителем соглашения на его защиту.

2. Вопреки воле доверителя Е.К.Д., который заявил в суде о полном раскаянии, признании вины и просил прощения у потерпевшего, защитник в судебном заседании занял противоположную позицию, заявляя о недостаточности доказательств, отсутствии состава преступления. В соответствии с пп. 3 п. 4 статьи 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п.п. 1, 2 п. 1 ст. 9 КПЭА, адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя. Выступая в прениях с позицией вопреки воле доверителя, адвокат М. не заявил, что считает показания своего доверителя самооговором, то есть позиция защитника М. в судебном заседании не была основана на его убеждении в самоговоре доверителя и противоречила законным интересам доверителя.

3. Вопреки воле доверителя адвокатом М. 15 августа 2013 года была подана апелляционная жалоба на приговор в отношении Е.К.Д. с предложением оправдать его в совершении преступления, предусмотренного п. п. «а, в» части 2 статьи 163 УК РФ по эпизоду 20 июля 2012 года, а по действиям в период с 6 августа по 4 сентября 2012 года изменить ему вид и размер наказания с применением статьи 73 УК РФ. При этом квалификационная комиссия отметила, что защитник не дал правовой оценки этим действиям, предлагая суду назначить наказание с применением ст. 73 УК РФ за действия, которые не были квалифицированы как уголовно наказуемые даже самим защитником. Только 4 октября 2013 года адвокат Мочегов А.П. по требованию заявителей отозвал апелляционную жалобу, письменно разъяснив доверителю, что отзыв апелляционной

жалобы может повлечь для него вред и невозможность в дальнейшем обжаловать по указанным в жалобе адвоката доводам приговор суда в последующих инстанциях.

Квалификационная комиссия сделала вывод, что установленные факты действий адвоката М. после вынесения приговора, подача апелляционной жалобы, содержание которой противоречит воле доверителя, длительное уклонение от отзыва этой жалобы, несмотря на настойчивые требования заявителей, согласуются с пояснениями заявителей, что адвокат М. отказывался вернуть им приговор суда, требуя оплатить его работу в апелляционной инстанции, фактически навязывая свои услуги, угрожал, что может сделать так, что мера наказания увеличится с 3 до 7 лет. Такие действия адвоката М. расцениваются как ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем, действия вопреки интересам заявителя из соображений собственной выгоды, основанные на безнравственных интересах.

Согласно п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии.

Убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему. Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву к нему доверия со стороны доверителя. Злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката (ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката).

4. В соответствии с п. 6 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу адвокатского образования. Непредставление адвокатом М. доверителю финансовых документов, подтверждающих полученное вознаграждение, и не внесение его в кассу расцениваются как действия, нарушающие интересы доверителя, злоупотребление доверием. Адвокат М. совершил действия, которые дали основания доверителю усомниться в порядочности, честности и добросовестности адвоката, то есть действия, не совместимые со статусом адвоката.

5. Установленным признан факт негативных отзывов, отрицательных оценок со стороны адвоката М. в отношении адвоката П. В соответствии со ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката отношения с другими адвокатами должны строиться на основе взаимного уважения и соблюдения их профессиональных прав. Адвокат не должен: 1) употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката; 2) использовать в беседах с лицами, обратившимися за оказанием юридической помощи, и с доверителями выражения, порочащие другого адвоката, а также критику правильности действий и консультаций адвоката, ранее оказывающего юридическую помощь этим лицам.

При этом доводы заявителей о разглашении адвокатом М адвокатской тайны не нашли подтверждения в ходе разбирательства по данному дисциплинарному производству.

Совет АПИО согласился с заключением квалификационной комиссии и признал наличие в действиях адвоката М. следующих нарушений:

1. Ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившихся в осуществлении адвокатской деятельности без заключения в письменной форме соглашения с доверителем;

2. Пп. 3 п. 4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1, 2 п. 1 ст. 9 КПЭА, выразившихся в том, что адвокат занимал по делу позицию вопреки воле доверителя, действовал вопреки законным интересам доверителя, руководствуясь соображениями собственной выгоды;

3. П. 6 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2, 3 ст. 5 КПЭА, выразившихся в нарушении требования об обязательном внесении в кассу адвокатского образования полученного от доверителя вознаграждения, совершении действий, направленных к подрыву доверия;

4. Пп. 6 п. 1 ст. 9, п. 2 ст. 10 КПЭА, выразившихся в навязывании своей помощи

лицам и привлечении их в качестве доверителей путем обещания благополучного разрешения дела, обещания положительного результата и другими недостойными способами;

5. П. 7 ст. 9 и п. 1, пп. 1, 2 п. 2 ст. 15 КПЭА, выразившихся в употреблении выражений, умаляющих честь, достоинство и деловую репутацию других адвокатов, использовании в беседах с лицами, обратившимися за оказанием юридической помощи, и с доверителями выражений, порочащих другого адвоката, критике правильности их действий.

При определении меры дисциплинарной ответственности Совет учел тяжесть совершенных проступков, обстоятельства их совершения, виновность адвоката и пришел к выводу о том, что адвокат М. совершил действия, дающие основания доверителю усомниться в порядочности, честности и добросовестности адвоката и подрывающие авторитет адвокатуры, то есть действия, не совместимые со статусом адвоката, и применил меру дисциплинарной ответственности - прекращение статуса адвоката.

5. Убеденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия. Злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката.

Распоряжением президента АППО от 25.07.2014 г. на основании представления вице-президента палаты было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. в связи с совершением действий, направленных на подрыв доверия к адвокату и злоупотреблением доверием.

Из представления усматривается, что 01.07.2014 г. в АППО поступило постановление мирового судьи судебного участка № 5 Фрунзенского района г. Иваново от 23.06.2014 г. о прекращении производства по уголовному делу по обвинению адвоката Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159 УК РФ в связи с примирением с потерпевшим.

В ходе дисциплинарного производства было установлено, что вступившим в законную силу постановлением мирового судьи констатировано совершение адвокатом Б. покушения на мошенничество - хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, то есть действия, непосредственно направленные на совершение преступления, которые не были доведены до конца по независящим от лица обстоятельствам.

30.04.2013 г. Адвокатским бюро «К.» с Т. было заключено соглашение на оказание юридической помощи, в соответствии с которым, адвокатское бюро приняло на себя обязанность по оказанию квалифицированной юридической помощи и представление интересов Т. и П. в УЭБ и ПК УМВД России по Ивановской области. В соответствии с данным соглашением исполнение обязанности по оказанию юридической помощи С. возложено на адвоката Б.

29.05.2013 г. Адвокатским бюро «К.» с Т. заключено соглашение на оказание юридической помощи, по которому Адвокатское бюро приняло на себя обязанность по защите в ходе предварительного следствия по уголовному делу в отношении П. В соответствии с указанным соглашением исполнение обязанности по оказанию квалифицированной юридической помощи П. возложено на адвоката Б.

После окончания расследования уголовного дела в отношении П. у адвоката Б. возник преступный умысел, направленный на совершение из корыстных побуждений хищения путем обмана и злоупотребления доверием денежных средств, принадлежащих Т., в сумме 30 тысяч рублей, под предлогом передачи их в качестве взятки - благодарности должностным лицам УЭБ и ПК УМВД России по Ивановской области.

30.07.2013 г. адвокат Б. встретился с Т., действовавшим в интересах П., и, воспользовавшись доверительными отношениями, предложил Т. передать ему 30 тысяч

рублей для передачи указанной суммы должностным лицам УЭБ и ПК УМВД России по Ивановской области в качестве взятки - благодарности за помощь, оказанную адвокату Б. при осуществлении защиты Т. и П., тем самым сообщил ему ложные, не соответствующие действительности сведения.

Т., не подозревая об истинных корыстных намерениях Б., будучи введенным в заблуждение относительно назначения денег, доверяя Б., как своему защитнику, согласился передать ему 30 тысяч рублей;

08.08.2013 г. адвокат Б. получил от Т. денежные средства в сумме 30 тысяч рублей под предлогом передачи их вышеуказанным должностным лицам, после чего был задержан сотрудниками УФСБ России по Ивановской области на месте совершения преступления.

Судом было постановлено уголовное дело по обвинению Баранова И. П. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159 УК РФ. производством прекратить в связи с примирением потерпевшего с подсудимым, по не реабилитирующему основанию. При этом от адвоката Б. в суд поступило заявление о том, что он согласен на примирение с потерпевшим, в содеянном раскаивается, причиненный вред полностью возместил.

Адвокат Б. на заседание квалификационной комиссии и заседание Совета не явился, дисциплинарное дело было рассмотрено в отсутствие адвоката Б. в силу положений п. 3 ст. 23, п. 5 ст. 24 КПЭА.

По результатам рассмотрения дисциплинарного производства квалификационная комиссия пришла к заключению о наличии в действиях адвоката Б. нарушений пп. 1, пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 1 ст. 4, ст. 5, п. 1 ст. 8 КПЭА.

Совет АПИО согласился с выводами квалификационной комиссии.

В соответствии с пп. 1, пп. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката.

В соответствии со ст. 1 КПЭА кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии.

В соответствии с п. 1 ст. 4 КПЭА адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии.

В соответствии со ст. 5 КПЭА убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия; злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката.

В соответствии с п. 1 ст. 8 КПЭА при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

Адвокатом Б. вышеуказанные нормы были нарушены, и был совершен проступок, порочащий честь и достоинство адвоката, и умаляющий авторитет адвокатуры. Адвокат ненадлежаще, нарушая закон, исполнял свои обязанности перед доверителем способами, запрещенными законом. При таких обстоятельствах нельзя признать, что права и

законные интересы доверителя отстаивались адвокатом честно, разумно и добросовестно.

Решая вопрос о применении к адвокату Б. меры дисциплинарной ответственности, Совет палаты принял во внимание тяжесть совершенного проступка, обстоятельства его совершения, форму вины, данные о личности Б.

Совет АПИО принял во внимание, что адвокат Б. положительно характеризуется адвокатским образованием, в котором осуществляет адвокатскую деятельность. Проступок, совершенный Б. был предметом обсуждения на собрании коллектива адвокатского образования 21.07.2014 года, на котором сделан вывод о недопустимости подобных фактов в работе адвоката, о чем строго указано Б.

Как молодой адвокат, работавший менее двух лет, Б. обязан был посещать семинарские и учебные занятия АПИО. За время работы Б. адвокатом таких занятий в АПИО проведено 9. Из них Б. посетил только 2, что подтверждено справкой управделами АПИО.

В характеристике, поступившей с прежнего места работы Б. из СУ СК РФ по Ивановской области, указано, что Б. за время прохождения службы зарекомендовал себя удовлетворительно, поощрений не имел, за ненадлежащее исполнение своих обязанностей привлекался к дисциплинарной ответственности в виде замечания и выговора. В следственных органах проработал непродолжительное время.

Совет АПИО принял во внимание семейное положение Б., наличие на его иждивении двоих малолетних детей.

Однако Совет пришел к выводу, что совершенное Б. нарушение не совместимо со статусом адвоката.

Предлагая доверителю передать деньги для взятки должностному лицу в связи с расследованием уголовного дела, совершая в отношении доверителя противоправные действия (покушение на завладение его имуществом путем мошенничества), Б. нарушил закон, умалил честь и достоинство профессии адвоката, подорвал убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката и всего адвокатского сообщества в целом.

Совет АПИО применил к адвокату Б. меру дисциплинарной ответственности – прекращение статуса адвоката.

Решение Совета АПИО по данному дисциплинарному делу было обжаловано адвокатом Б. в Фрунзенский районный суд г. Иваново. Решением Фрунзенского районного суда г. Иваново от 15.10.2014 г. в удовлетворении исковых требований Б. к АПИО об оспаривании решения Совета АПИО о прекращении статуса адвоката Б. отказано. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Ивановского областного суда решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

6. Адвокат не вправе принять поручение на защиту лица в случае, если ранее по данному делу он оказывал юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

Распоряжением президента АПИО от 07.07.2014 г. на основании частного определения судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда от 26 июня 2014 года было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. в связи с ненадлежащим исполнением своих профессиональных обязанностей адвокатом при осуществлении защиты П. по уголовному делу.

Из частного определения следует, что 7.04. 2014 г. Шуйским городским судом был вынесен обвинительный приговор в отношении Г.С. и П., последнего из подсудимых по назначению суда защищал адвокат Г. Из материалов уголовного дела видно, что 16 мая 2013 года Шуйским городским судом рассматривался вопрос об изменении меры пресечения в отношении обвиняемого Г.С., защиту которого по назначению суда

осуществлял адвокат Г. При этом на момент разрешения указанного вопроса позиции обвиняемых Г.С. и П. относительно обстоятельств совершения преступления существенно противоречили интересам друг друга. В связи с изложенным апелляционным определением от 26 июня 2014 года приговор суда первой инстанции был отменен.

Согласно Закл^ючению квалификационной комиссии при Адвокатской палате Ивановской области от 23.07.2014 г. в действиях адвоката Г. констати^ровано наличие признаков дисциплинарного проступка, выразившегося в принятии адвокатом Г. защиты лица, при условии, что ранее он оказывал юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица, действовал вопреки законным интересам доверителя, руководствуясь соображениями собственной выгоды, чем нарушил требования пп. 2 п. 4 ст. 6 ФЗ « Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 КПЭА.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства адвокат Г. частично согласился с заключением Квалификационной комиссии, объяснил допущенное им нарушение отсутствием, на его взгляд, категоричного урегулирования данного вопроса действующим законодательством и позицией суда первой инстанции, не препятствовавшего его участию в судебном разбирательстве по указанному уголовному делу в качестве защитника П.

Заключением Квалификационной комиссии было установлено следующее:

адвокат Г. на основании ч. 3 ст. 51 УПК РФ осуществлял защиту Г.С. 16 мая 2013 года при рассмотрении Шуйским городским судом вопроса об изменении тому меры пресечения с залога на содержание под стражей. При этом позиции сообвиняемых по делу Г.С. и П. имели существенные противоречия: Г.С. утверждал, что не причастен к совершению преступления, отрицал свою вину, считая, что всего лишь оказывал П. незначительную помощь в заказе через интернет по его просьбе вещества и не предполагал, что оно является наркотическим, П. же написал явку с повинной и дал подробные показания о сговоре с Г.С., утверждал, что тот был осведомлен, что вещество является наркотиком, и осознанно принял участие в совершении преступления.

В апелляционной инстанции осужденный П. заявил о нарушении его права на защиту, так как в суде его защищал адвокат Г., ранее на предварительном следствии защищавший Г.С., чья позиция и интересы по делу противоречили его позиции и интересам. Осужденный Г.С. показал, что отказывался от услуг адвоката Г., но суд ему адвоката «навязал», их позиции по делу расходились, считает, что было нарушено его право на защиту.

Квалификационная комиссия пришла к выводу, что адвокат Г., принимая на себя защиту по назначению Шуйского городского суда П. и будучи ознакомленным, по его утверждению, с материалами уголовного дела, обязан был осознавать, что позиция его доверителя противоречит позиции другого обвиняемого по этому уголовному делу – Г.С., которому он ранее оказывал юридическую помощь. В соответствии с п. 3 ч.1 ст. 72 УПК РФ это являлось основанием для отвода защитника.

Закон (ст. 72 УПК РФ) не ставит недопустимость участия защитника в деле в зависимость от характера противоречий в позициях по делу привлекаемых к ответственности лиц, а связывает это лишь единственно с оказанием юридической помощи другому лицу при наличии между ними противоречий. Адвокат Г. знал о наличии противоречий в позициях обвиняемых по делу, что обязывало его самого заявить о недопустимости своего участия в деле, однако он проигнорировал требования закона.

Совет АПИО согласился с заключением квалификационной комиссии и пришел к выводу, что действия адвоката Г. ведут к подрыву доверия к адвокатуре как институту гражданского общества

В соответствии с пп. 2 п. 4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат не вправе «оказывать юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица».

В силу пп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне.

Согласно п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу.

Учитывая характер допущенного нарушения, данные о личности адвоката, его отношение к проступку, Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде замечания.

7. Адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя.

Распоряжением президента палаты от 30.06.2014 г. на основании частного определения судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда от 11 июня 2014 г. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч. в связи с ненадлежащим исполнением им своих профессиональных обязанностей при осуществлении защиты В. по уголовному делу.

В частном определении указано, что апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда от 11.06.2014 г. отменен обвинительный приговор, вынесенный Шуйским городским судом Ивановской области в отношении Я. и В. в связи с допущенными существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, выразившимися в нарушении права подсудимого В. на защиту. В частности, указано, что «в ходе судебного разбирательства по делу в суде первой инстанции и при составлении апелляционной жалобы адвокат Ч., защищавший интересы В., нарушил положения пп.3 п.4 ст.6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которыми адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя».

Судебной коллегией также указывается на то, что при рассмотрении дела в суде первой инстанции подсудимый В. виновным себя по ч.3 ст. 30, п. «г» ч.4 ст. 228.1 УК РФ (2 преступления) не признал полностью, показал, что 16 января 2013г. ему позвонил ранее знакомый К. и попросил привезти героин. Он сначала не хотел, но потом согласился. Встретившись, К. сказал, что нужно съездить к одному человеку на ул. 1-я Московская г. Шуя и забрать у него героин. Дал ему деньги. Он приехал по указанному адресу, там его ждал цыган, но не Я.. Он передал цыгану деньги, а полученный героин отдал К.

В ходе прений сторон адвокат Ч., защищавший интересы В., указывая, что последний вину в совершении инкриминируемых преступлений не признал, предложил квалифицировать действия В. по преступлению от 16 января 2013г. по ч.3 ст.30, ч.5 ст.33, ч.2 ст.228 УК РФ.

Подсудимый В. правом выступить в прениях сторон не воспользовался, однако в последнем слове выразил свою позицию о том, что дело сфабриковано, К. его подставил вместе с отделом наркополиции.

Ранее занятой позиции В. придерживался и в ходе производства в суде апелляционной инстанции. В своей апелляционной жалобе он, выражая полное несогласие с обвинительным приговором, просил его отменить, приводя доводы о том, что дело против него сфабриковано сотрудниками наркополиции, поскольку он отказался сотрудничать с ними в качестве лица под псевдонимом, с Я. его ничего не связывает, он встречался с другим цыганом, и не в том месте, где указывают свидетели.

В то же время защитником Ч., вопреки интересам осужденного, в апелляционной жалобе снова ставился вопрос об изменении приговора, переквалификации действий В. по инкриминируемому ему преступлению от 16 января 2013г. на ч.5 ст.33, ч.3 ст.30, ч.2 ст.228 УК РФ и смягчении меры наказания.

Судебная коллегия обратила внимание Президента АПИО на допущенное адвокатом Ч. нарушение закона при осуществлении защиты подсудимого В., что повлекло отмену приговора суда.

Квалификационная комиссия в ходе рассмотрения дисциплинарного дела пришла к выводу, что адвокат Ч. при полном не признании своей вины его подзащитным В. должен был просить суд об оправдании его доверителя по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.30, п.«г» ч.4 ст.228.1 УК РФ (эпизод от 16 января 2013 г.), а не о переквалификации его действий на покушение на пособничество в приобретении наркотических средств. В апелляционной жалобе Ч. также должен был ставить вопрос об оправдании В. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п.«г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (эпизод от 16 января 2013 г.). Квалификационная комиссия посчитала установленным и доказанным, что Ч. занял по делу позицию вопреки воле доверителя В., т.е. грубо нарушил право на его защиту, что привело, в итоге, к отмене приговора в апелляционном порядке и направлении уголовного дела на новое рассмотрение.

Согласно Заклчению квалификационной комиссии в действиях адвоката Ч. констатировано наличие признаков дисциплинарного проступка, выразившегося в нарушении адвокатом Ч. положений пп. 3 п. 4 ст. 6, пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; пп. 1 ст. 8, пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката о том, что адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами и не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя.

Адвокат Ч. признал заключение квалификационной комиссии обоснованным, не возражал, что нарушение с его стороны имело место, объяснил нарушение недостатком профессионального опыта, непродолжительным стажем адвокатской деятельности (работает адвокатом в течение двух лет). Сообщил Совету, что в ходе дисциплинарного производства пришел к выводу о необходимости более подробно опрашивать доверителя на предмет его несогласия с обвинением.

Совет АПИО согласился с выводами квалификационной комиссии и признал наличие в действиях адвоката Ч. нарушений норм пп. 3 п. 4 ст. 6, пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 ст. 8, пп. 1 п. 2 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившихся в том, что адвокат занял по делу позицию вопреки воле доверителя и проигнорировал требования закона в части возложенных на адвоката обязанностей честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами. Учитывая фактические обстоятельства совершения проступка, отношение адвоката Ч. к совершенному проступку, его непродолжительный опыт работы, Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности - замечание.

8. Адвокат не вправе в отсутствие соглашения принять на себя защиту по назначению лица, судопроизводство в отношении которого осуществляется за пределами судебного района, закрепленного за адвокатским образованием, в котором адвокат осуществляет адвокатскую деятельность. Нарушение адвокатом решения Совета адвокатской палаты, устанавливающих порядок оказания юридической помощи адвокатами «по назначению», влечет применение мер дисциплинарной ответственности.

Распоряжением президента АПИО от 05.08.2014 г. на основании заявления руководителя адвокатского образования Заволжского района Ивановской области адвоката Ш. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката С. в связи с нарушением адвокатом С. Положения «О порядке участия адвокатов Ивановской области в качестве защитников и представителей в уголовном и гражданском судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия и суда» при осуществлении защиты Ч. по уголовному делу.

В обращении адвоката Ш. указано, что 07.04.2014 г. следователем СО СУ СК России по г. Кинешма было возбуждено уголовное дело в отношении Ч., преступление было совершено на территории Заволжского района Ивановской обл., там же выполнялись следственные действия. Соглашения на защиту Ч. с кем-либо из адвокатов не заключалось, его защиту на стадии предварительного расследования по назначению органов следствия осуществлял адвокат Межрегиональной коллегии адвокатов Ивановской области С. Тот же адвокат защищал Ч. и в Заволжском районном суде. Работа адвоката была оплачена согласно вынесенных по делу постановлений. В действиях адвоката С. заявитель усматривает нарушение вышеуказанного Положения.

В ходе дисциплинарного производства адвокат С. не отрицал свое участие в защите Ч. без заключения соглашения на стадии предварительного расследования и в судебном заседании исключительно по инициативе и просьбе последнего. Адвокат С. признал обоснованность заявления Ш., сообщив, что такой случай произошел с ним впервые за 16 лет работы адвокатом.

Комиссия признала обоснованность заявления Ш. по следующим основаниям.

Адвокаты Ивановской области участвуют в качестве защитников и представителей в уголовном и гражданском судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия и суда согласно соответствующему Положению, утвержденному решением Совета АПИО 31.08.2007 года (в редакции 24.09.2010 г.). Положением определен порядок вступления адвокатов в уголовное дело в качестве защитника по назначению: в соответствии со ст. 50 УПК РФ, если участие защитника обязательно, или подозреваемый, обвиняемый и подсудимый желают иметь защитника, но в силу различных причин не может самостоятельно либо через других лиц пригласить себе защитника по выбору, заключив с ним соглашение, орган дознания, следователь, прокурор или суд по находящимся в их производстве уголовным делам назначают защитника. При отсутствии соглашения об оказании юридической помощи с адвокатом у подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) нет права на выбор конкретного адвоката указанного им в качестве защитника, кроме случаев, когда по ходатайству подсудимого суд назначит адвоката, участвовавшего на предварительном следствии по соглашению. Совет АПИО определяет наиболее крупное (базовое) адвокатское образование в судебном районе и органы дознания, следствия и суда, в которых участвуют адвокаты базового адвокатского образования по назначению. Работа адвокатов по назначению организуется по принципу судебного района, согласно Приложению № 2 к вышеуказанному Положению. Адвокату запрещается принимать участие по назначению за пределами судебного района, закрепленного за соответствующим адвокатским образованием, а также в органах дознания, предварительного следствия и судах, расположенных вне указанного судебного района. При проведении предварительного расследования межрайонным органом дознания или предварительного следствия, участие адвоката осуществляется по правилам, предусмотренным статьей 152 УПК РФ, то есть по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

Приложением № 2 к вышеуказанному Положению определено, что по уголовным делам, находящимся в производстве СО при ОВД и ОД ОВД по Заволжскому муниципальному району, СО СК по делам в том же районе и суде Заволжского района принимают участие адвокаты Заволжского филиала Ивановской областной коллегии адвокатов. В действиях адвоката С. квалификационной комиссией усмотрено нарушение требований пп. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п. 6 ст. 15 КПЭА, в соответствии с которыми адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

На заседании квалификационной комиссии адвокаты Ш. и С. выразили обоюдное желание примириться, о чем подали соответствующее письменное заявление.

В связи с этим, руководствуясь п. 7 ст. 23 КПЭА, комиссия, исходя из состоявшегося примирения адвоката-заявителя и адвоката С., вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Салова А.В. вследствие отзыва жалобы, представления, сообщения либо примирения лица, подавшего жалобу, и адвоката.

Совет АППО согласился с заключением комиссии в части установления в действиях адвоката С. нарушений требований пп. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п. 6 ст. 15 КПЭА, признав, что адвокат С., осуществляющий свою деятельность в Межрегиональной коллегии адвокатов Ивановской области, в отсутствие соглашения не мог принять на себя защиту по назначению Ч., совершившего преступление на территории Заволжского района, то есть за пределами судебного района, закрепленного за соответствующим адвокатским образованием, а также в органах дознания, предварительного следствия и судах, расположенных вне указанного судебного района.

Вместе с тем, Совет с учетом конкретных обстоятельств дела, тяжести совершенного проступка, обстоятельств, при которых он совершен, не согласился с заключением квалификационной комиссии в части вывода о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката С. вследствие примирения лица, подавшего жалобу, и адвоката и применил к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

9. Адвокат не вправе осуществлять адвокатскую деятельность без заключения соглашения с доверителем, которому начал оказывать правовую помощь до присвоения статуса адвоката в качестве частнопрактикующего юриста.

Распоряжением президента АППО от 08.09.2014 г. на основании заявления И. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. в связи с допущенными адвокатом нарушениями при оказании юридической помощи И. в качестве ее представителя по гражданскому делу.

По мнению заявителя И., нарушения, среди прочего, выразились в следующем:

- адвокат не составил с ней письменного соглашения;
 - не выдавал ей документы, подтверждающие оплату гонорара;
 - вопреки ее воле, всяческими отговорками адвокат воспрепятствовал её личному участию в судебных заседаниях;
 - в пояснениях, данных адвокатом Т. в судебных заседаниях в качестве ее представителя, искажил ранее сообщенные ею сведения по важнейшим обстоятельствам дела, что привело, в конечном счете, к результату не в ее пользу;
 - имея для того реальную возможность, не оказал ей содействия и не разъяснил необходимость истребования и предоставления в суд для последующего исследования в рамках назначенной судом экспертизы подлинника договора купли-продажи принадлежавшего ей автомобиля, в результате чего для исследования была представлена лишь фотокопия данного документа, что не позволило сделать категоричный вывод о выполнении подписи в нем не истицей, что, в конечном счете, привело к отказу ей в иске.
- Заявитель И. читает, что адвокат Т. действовал в интересах другой стороны и не оказал ей квалифицированной юридической помощи, чем причинил значительный имущественный ущерб.

Адвокат Т., не согласившись с этими доводами, сообщил, что никаких нарушений при оказании юридической помощи И. не допускал. Он не заключил с И. письменное соглашение об оказании ей соответствующих услуг и не выдал ей квитанций о приеме гонорара, поскольку данное поручение было принято им до получения статуса адвоката, и поэтому, по его мнению, такой обязанности у него не возникло. Работая по данному делу, он не действовал как адвокат.

Квалификационная комиссия, рассмотрев указанное дисциплинарное производство, пришла к выводу о том, что адвокатом Т. допущены нарушения п. 1 ст. 2, п.п 1 п. 1 ст. 7, п. п. 1, 2, 6 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет АПИО, исследовав материалы дисциплинарного производства и заключение квалификационной комиссии, согласился с последним в той части, что отсутствуют доказательства действий адвоката Т. в интересах противоположной стороны, искажения им ранее сообщенных доверителем И. сведений по важнейшим обстоятельствам дела, воспрепятствования доверителю И. лично участвовать в судебном процессе; а также в том, что вне зависимости от времени принятия на себя соответствующих обязательств перед И., начиная с 31 мая 2013 года и до июня 2014 года (когда фактически им было окончено выполнение юридической помощи заявительнице), Т. не вправе был действовать как частнопрактикующий юрист, а обязан был документально оформить свои отношения с доверительницей в указанный период, привести их в соответствие с вышеприведенными требованиями, чего не сделал.

Вместе с тем, Совет не согласился с выводами Квалификационной комиссии в той части, что адвокатом Т. допущено нарушение положений п.п. 1 п. 1 ст. 7 Закона и п. 1 ст. 8 КПЭА, обязывающих адвоката при осуществлении своей деятельности исполнять свои обязанности честно, разумно, добросовестно и квалифицированно.

К данному выводу комиссия пришла, исследуя обстоятельства неполучения и не предоставления в распоряжение городского суда, для последующей передачи на исследование при проведении почерковедческой экспертизы, подлинника договора купли-продажи автомобиля.

Совет АПИО считает, что адвокат, принявший поручение, самостоятельно выбирает стратегию и тактику защиты интересов своего доверителя, исходя из конкретных обстоятельств дела в данной конкретной ситуации, в режиме реального времени, а не в связи с анализом результатов уже законченного дела.

Совет полагает, что в данной конкретной ситуации, когда истец в принципе отрицал заключение и подписание договора, а ответчик настаивал на данном обстоятельстве, то именно на ответчике лежала обязанность предоставить подлинник указанного договора. Ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы заявлялось ответчиком, и именно в его интересах было установить принадлежность подписи истцу. Истица, отрицая факт заключения договора, в принципе не должна была располагать подлинником указанного документа. Более того, представление подлинника документа могло оказаться и не в интересах истицы. Результат экспертизы мог быть категоричным и с иными выводами – с принадлежностью подписи И. Поэтому Совет не усматривает в действиях адвоката Т. нарушений положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Закона и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, обязывающих адвоката при осуществлении своей деятельности исполнять свои обязанности честно, разумно, добросовестно и квалифицированно.

Учитывая фактические обстоятельства совершенного проступка и отношение к нему адвоката Т., Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности - предупреждение.

С приведенным выше решением не согласилась заявитель И., которая обратилась в суд с иском к АПИО о признании незаконными действий Совета АПИО по пересмотру выводов квалификационной комиссии в части установления ею фактических обстоятельств, подтверждающих нарушение адвокатом Т. п. 1 ст. 8 КПЭА и пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и просила обязать Совет АПИО устранить допущенные при рассмотрении заключения квалификационной комиссии нарушения.

Определением Фрунзенского районного суда г. Иваново от 22.01.2015 г. производство по данному гражданскому делу было прекращено на основании ст. 220, п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, в связи с тем, что в заявлении, поданном от своего имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы и законные интересы заявителя. Суд согласился с доводами представителя ответчика – АПИО о том, что

оспариваемое истцом решение Совета АПИО, вынесенное в отношении адвоката Т., права, свободы и законные интересы истца И. не затрагивает.

В апелляционном порядке данное определение не обжаловано и вступило в законную силу.

Не соглашаясь с заключением квалификационной комиссии в части вывода о нарушении адвокатом Т. положений пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 КПЭА, обязывающих адвоката при осуществлении своей деятельности исполнять свои обязанности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно, Совет, считаю, действовал в полном соответствии с положениями п. 4 ст. 24 КПЭА, запрещающей Совету, среди прочего, пересматривать выводы комиссии в части установленных ею фактических обстоятельств. Комиссия установила факт неполучения и не предоставления адвокатом Т. подлинника договора купли-продажи автомобиля в распоряжение суда первой инстанции для последующей его передачи на исследование почерковедческой экспертизы. Совет установленный комиссией факт не пересматривал, он с ним согласился, но дал ему иную правовую оценку, отличную от вывода комиссии, что вполне согласуется с процедурными основами дисциплинарного производства, регулируемые нормами раздела второго КПЭА.

Из дисциплинарных производств, которые были прекращены Советом ввиду отсутствия в действиях адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности, наиболее актуальным видится следующее:

10. Действующее законодательство не содержит запрета на заключение соглашения накануне слушания дела в суде, а также при неизвестности даты слушания дела.

Распоряжением президента АПИО от 01.07.2014 г. на основании послужившего поводом частного определения судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда от 06.06.2014 г. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката К. в связи с тем, что адвокатом было принято поручение на оказание юридической помощи в количестве заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить.

В частном определении указано, что при рассмотрении апелляционной жалобы осужденного К. и защитника Ч. на приговор Шуйского городского суда Ивановской области от 08.04.2014 г. в судебном заседании 06.06.2014 г. защитник Ч. предъявил ордер и сообщил о заключении 05.06.2014 г. родственниками осужденного соглашения еще с одним адвокатом – К., которая в связи с занятостью не может принять участие в суде апелляционной инстанции. По мнению судебной коллегии, адвокат нарушила требования КПЭА, запрещающие адвокату принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить, и принимать поручение, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого, ранее принятого поручения, оказывать юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды.

Квалификационной комиссией было установлено, что адвокат К., заключая 05.06.2014 г. соглашение на защиту осужденного К. в апелляционной инстанции, не знала, что судебное заседание назначено на 06.06.2014 года. Узнав утром 06.06.2014 г. о дате слушания дела в областном суде, она немедленно через адвоката Ч. представила ордер и сообщила о невозможности своего участия в судебном заседании 06.06.2014 года по уважительной причине – в связи с занятостью в другом судебном заседании.

Квалификационная комиссия пришла к заключению об отсутствии в действиях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку действующее законодательство не

содержит запретов на заключение соглашения накануне слушания дела в суде, также как не содержит запретов на заключение соглашения при неизвестности даты слушания.

Совет палаты согласился с данным заключением и прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката К.

Анализ рассмотренных Советом АППО дисциплинарных дел показывает, что оснований для принципиально новых пожеланий нашим коллегам во избежание возможности привлечения к дисциплинарной ответственности не имеется. Как и ранее, можно отметить актуальность вопросов учета своей профессиональной занятости и своевременности реагирования на совпадение дел по дате и времени; предельной аккуратности в выполнении своих обязательств перед АППО и вопросах гонорарной практики; высокопрофессионального, добросовестного и ответственного отношения при оказании юридической помощи доверителю, соблюдения закона и нравственных основ профессии адвоката.

Подводя итог, надо отметить, что реализация уполномоченными органами адвокатской палаты дисциплинарной власти – это не самоцель, а один из способов влияния на адвокатское сообщество региона для преодоления разного рода негативных проявлений при осуществлении адвокатской деятельности, для повышения профессионализма адвокатов и укрепления корпоративной дисциплины, а также весьма действенный способ защиты адвокатов от необоснованных претензий в их адрес.

Озабоченность корпорации чистотой ее рядов свидетельствует о поддержании престижа профессии адвоката и укреплении имиджа адвокатского сообщества.

Член Совета Адвокатской палаты
Ивановской области

И.А. Зудова